

Пханаева Саида Нурбиевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп

phanaeva@yandex.ru

Обучение русскому языку в условиях двуязычия

Аннотация. Статья посвящена вопросам соотношения контактирующих языков в учебном процессе в условиях билингвизма, которое определяется не только характером двуязычия, но и местом каждого из контактирующих языков в социальной, общественной и образовательной системе региона, целью обучения каждому из языков в конкретной национальной школе.

Ключевые слова: двуязычие, интерференция, транспозиция, трансференция.

Раздел: (01) педагогика; история педагогики и образования; теория и методика обучения и воспитания (по предметным областям).

Языковая ситуация в Российской Федерации весьма сложна и многообразна. В этих условиях особенно актуальна как сама проблема выработки целостной концепции формирования и развития школьного билингвизма, так и поиски оптимальных путей ее реализации в различных реально сложившихся условиях функционирования двуязычия в обществе и в национальных образовательных системах.

Современные условия определяют принципиально новое отношение к преподаванию русского языка адыгейцам – рассмотрение его в контексте национально-русского двуязычия. Одним из путей, ведущих к осуществлению этой задачи, может стать предупреждение и преодоление лексико-семантической интерференции в русской речи учащихся-адыгейцев.

Ведущая роль в целенаправленном формировании и развитии гармоничного и продуктивного адыгейско-русского двуязычия принадлежит национальной школе, призванной на деле реализовать равноправное функционирование языков.

Установление межъязыковых связей ведет к взаимодействию языков, последнее обычно сопровождается интерференцией – объективным психолингвистическим процессом при языковом контактировании, которая проявляется независимо от воли и желания билинга.

Необходимость разработки целостной концепции интерференции психологами и психолингвистами, лингвистами и социолингвистами, методистами и учителями давно уже осознана, сформулированы принципиальные подходы к ее решению, она вычленена как самостоятельная и актуальная проблема предупреждения и преодоления лексико-семантической интерференции в русской речи учащихся в качестве важнейшей предпосылки повышения эффективности и результативности учебного процесса (А. М. Айтберов, З. У. Блягоз, Г. Г. Буржунов, А. П. Величук, Е. М. Верещагин, А. Х. Загаштоков, И. А. Зимняя, К. З. Закирьянов, А. А. Леонтьев, В. Ю. Розенцвейг, Р. Б. Сабаткоев, М. Б. Успенский, М. Ш. Шекихачева, М. Х. Шхапацева, Н. Б. Экба и др.).

Об актуальности данной проблемы, ее особой роли в динамике объективного распространения двуязычия продуктивными средствами преподавания языков в национальной школе свидетельствует активизация научных исследований, посвященных эффективности и целесообразности изучения родного и русского языков в их взаимосвязи.

Анализ научного освещения различных аспектов интерференции в теоретических и научно-методических работах позволяет отметить единодушие в определении содержательной сущности интерференции как процесса взаимопроникновения элементов одного языка в другой, объективно вызывающего отклонения от языковых норм. Это и составляет лингвистическую основу интерференции и, соответственно, определяет методику обучения второму языку, в которой данное явление квалифицируется как следствие неосознанного переноса ранее приобретенных учащимися-адыгейцами в процессе изучения родного языка умений и навыков на изучаемый второй язык.

В лингвистической литературе термин «интерференция» используется для обозначения тех видоизменений, которые наблюдаются в речи двуязычных как результат взаимодействия различных языковых систем.

У. Вайнрайх писал: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта, мы будем называть явлениями интерференции» [1].

Известный лингвист В. Ю. Розенцвейг определяет интерференцию как «нарушение билингом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [2].

Так как установление межъязыковых связей ведет к взаимодействию языков, последнее тоже обычно сопровождается интерференцией: «Следует принять за аксиому, что нет двуязычия без интерференции» [3].

Родной язык – это основа, которая служит сознательному пониманию особенностей любого другого языка. Потребность в использовании знания родного языка постоянна и сильна. Из психологии известно, что «при овладении родным языком между словом и понятием нет третьего члена. При обучении же иностранному языку этот третий член чаще всего присутствует в виде слова родного языка». Результатом этого является межъязыковой перенос – интерференция [4].

Основными причинами, вызывающими лексико-семантическую интерференцию, являются семантические и структурные расхождения в лексике родного и русского языков:

- несовпадение объема значений слов;
- несовпадение схем лексической сочетаемости;
- несовпадение систем ассоциативных связей у соотнесенных слов;
- неодинаковый количественный состав членов синонимического ряда;
- семантическое различие между членами синонимического ряда.

Объем интерференции, ее характер и направления можно более исчерпывающе объяснить с точки зрения речевого поведения двуязычных индивидов, которое, в свою очередь, обусловлено социальными отношениями, характерными для сообщества, в котором они живут.

При интерференции происходит перенос норм родного языка на второй язык, в последнем возникают транспозитивные (положительные) и трансферетивные (отрицательные) навыки.

Положительная интерференция – перенос транспозитивных навыков родного языка на второй язык. Например, навык выделения имени существительного, имени прилагательного, местоимения, глагола как лингвистически маркированных частей речи в родном языке может быть использован при обучении и второму языку. Способность выделять определенные категории в обоих языках и языковом сознании их носителей в той части их свойств, которая довольно легко усваивается нерусскими учащимися, можно считать положительным навыком [5].

Межъязыковая положительная интерференция возникает при совпадении структурно-типологических особенностей адыгейского и русского языков. Например,

на лексико-семантическом уровне – совпадение значения слова: *уашъо – небо, ошхы – дождь, уцы – трава, чъыгы – дерево и др.*; на морфологическом – одинаковый способ словообразования: *к1он – идти, къэ-к1он – при-йти; хьын – нести, къэ-пхьын – при-нести, афэ-пхьын – от-нести*; на синтаксическом (на примере словосочетаний): *это что? – мыр сьд?, хорошо учится – дэгъоу еджэ и др.*

Для интенсификации обучения второму языку важно определить конвергентный (сходный, одинаковый, похожий) и дивергентный (различный, неодинаковый, непохожий) материал при взаимодействии родного и второго языков в учебном процессе. В связи с опережающим изучением родного языка в адыгейской школе существует условие для опоры на лексические умения и навыки по адыгейскому языку в процессе изучения русского языка.

В одних случаях конвергентные словосочетания в русском языке образуются аналитически (*мягкое дерево, деревянный совок*), а в адыгейском – синтетически (*пхъэшъаб*), в других случаях в обоих языках сходные словосочетания создаются аналитически: *туманное утро – пчэдыжь пщагъу, левая рука – 1э сэмэгу*.

Но большое количество словосочетаний в русском и адыгейском языках, будучи семантически и структурно совершенно одинаковыми, имеет иной порядок следования компонентов, например: *красный песок – пшэхъо плъыжь (песок красный), крупное яблоко – мы1эрысэху (яблоко крупное)*.

Транспозиция не нарушает норм изучаемого языка, а, наоборот, облегчает и ускоряет усвоение его. Она дает возможность опираться на речевой опыт учащихся на родном языке, расширяет речевую практику учащихся, способствует накоплению языкового опыта и формированию чувства языка. Поэтому максимальное использование транспозиции и борьба с явлениями трансференции, несомненно, повысят эффективность обучения учащихся русскому языку в адыгейской школе.

Положительная интерференция может быть внутриязыковой и межъязыковой.

Отрицательная интерференция приводит к переносу трансферетивных (отрицательных) навыков родного языка на речь говорящего на втором языке, затрудняя формирование и развитие национально-русского двуязычия.

Причиной возникновения межъязыковой отрицательной интерференции служат различия в лексико-семантических системах родного и второго языков. «Существуют не только межъязыковые ошибки, которые действительно вызваны интерференцией со стороны родного языка, но и такие, которые от родного языка не зависят. Сюда относятся межъязыковые ошибки, которые являются внутривидовыми и обусловлены системой иностранного языка (прежде всего гипергенерализацией правил целевого языка, то есть неправильными заключениями по аналогии); ошибки, которые основываются вовсе не на языковой системе, а на неправильной практике и стратегиях преподавания и, наконец, такие, которые обусловлены не языком, не преподаванием, а причинами психологического, физиологического или какого-нибудь еще характера» [6].

Отрицательный перенос может быть и внутри одного языка. Так, например, очень часто встречается такая ошибка: *рисовает вместо рисует*, по аналогии: *рассказывать – рассказывает*. Следовательно, отрицательный трансферетив – это неверный перенос, неверная аналогия в рамках одного языка.

Явления отрицательного переноса (трансферетива) внутри русского языка можно встретить особенно часто в тех случаях, когда контактирующие языки относятся к разным системам: родной язык учащихся агглюнативный, в отличие от флективного русского. В агглюнативном (в данном случае адыгейском) языке более последовательно проявляется принцип соответствий плана выражения и плана содержания, одна морфема в принципе имеет одно значение. В русском же языке одна

морфема может иметь несколько значений, одно значение передается разными морфемами. Сравним выражение категории множественного числа в русском и адыгейском языках. В адыгейском языке понятие единственности и множественности выражено более последовательно и нет слов только множественного числа (шахматы, ножницы, щипцы и т. п.). Противопоставления «один ножница» – «много ножниц» выражается в адыгейском теми же аффиксами множественного числа, что и во всех других случаях: *ныбджэгъу* – *ныбджэгъу-хэр* (друг, друзья), *1энэ* – *1энэ-хэр* (стол – столы), *шахмат* – *шахмат-хэр*, *лэныстэ* – *лэныстэ-хэр* (ножница – ножницы).

Сущность интерференции, связанной с существительными, имеющими только форму множественного числа, состоит: 1) в отсутствии полного соответствия между логическим и лингвистическим понятием числа; 2) разных способах выражения количественных значений грамматическими формами числа в русском и адыгейском языках.

Семантическая изоляция формы множественного числа, ее лексикализация в новом значении в русском языке не только выражены морфологически, но и служат семантическим способом объединения существительных в особые лексико-грамматические разряды слов.

В адыгейском языке нет таких разрядов существительных с лексикализированными формами множественного числа. Их эквиваленты в адыгейском языке могут употребляться в формах обоих чисел: ножницы – *лэныстэ-хэр*, шахматы – *шахмат-хэр*, что часто приводит к ошибкам типа «принеси ножницу», «я купила шахмат» и др.

Но интерференция не покрывает понятия «грамматические ошибки и отклонения». В речи двуязычных учащихся-адыгейцев очень много отклонений, которые не могут быть объяснены влиянием родного языка, но легко могут быть квалифицированы действием аналогии.

В литературе встречаются два подхода к трактовке понятия интерференция: узкий и широкий. В основе узкого подхода лежит опора только на расхождения, в результате чего интерференция ограничивается теми расхождениями языковых систем, которые порождают ошибки.

В основе широкого подхода к интерференции лежит опора как на расхождения, так и на схождения. При этом схождения рассматриваются как первооснова положительной интерференции, облегчающей усвоение второго языка путем переноса знаний, умений и навыков, приобретенных в процессе овладения родным языком, на второй язык, а расхождения рассматриваются как первооснова и источник отрицательной интерференции, которая должна быть в условиях организованного обучения предупреждена и преодолена.

Большинство авторов проблему интерференции рассматривают односторонне – как влияние только родного языка на изучаемый, в данном случае русский. На самом деле проблема обратной интерференции, влияния русского на родной не менее сложная.

Этот диалектический процесс связан в Российской Федерации с тем, что русский язык, сохраняя для представителей нерусских национальностей свою функцию основного средства межнационального общения и общественно-деловых контактов, проникает в сферу быта и используется в семье, особенно в общении родителей и детей, в качестве не второго, а первого языка. Такое явление получило широкое распространение в поселковых, районных и городских семьях. Поэтому в школах с многонациональным составом Северного Кавказа, наряду с проблемой преодоления прямой интерференции, т. е. влияния норм родного языка на русский, существует проблема преодоления влияния русского на родной в процессе преподавания родного языка. Такое широкое понимание интерференции представляется более целесообразным не только с научной, но и с методической точки зрения потому, что оно

дает возможность тесно связать анализ ошибок с изучением принципиальных структурно-типологических различий между контактирующими языками и обнаружить взаимосвязанность и взаимообусловленность различных интерферентных ошибок.

Исходя из фундаментальной контрастивной лингвистики по теории переноса, недостаточно констатировать, что предшествующие знания влияют на последующие этапы обучения положительно, если задачи при изучении языка совпадают, и отрицательно, если они различаются. Лингвистическая процедура сравнения двух языковых структур не может быть аналогичной реакцией учащегося, который проводит ассоциации между двумя системами. Язык-цель предстает перед ним не сразу, а постепенно. Это создает проблему для контрастивной лингвистики, поскольку усвоенные знания оказываются включенными в предшествующий опыт и вместе с родным языком учащегося определяют дальнейшее изучение языка. Не учитывая этот факт, контрастивная лингвистика, таким образом, нарушает свое собственное основное положение, а потому прогнозы и объяснения, данные исключительно на сравнении систем исходного базового языка и языка-цели, неизбежно оказываются ошибочными [7].

Ссылки на источники

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев, 1979.
2. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. – Л., 1972.
3. Там же.
4. Артемов В. А. Психология обучения иностранным языкам. – М., 1969.
5. Галазов А. Х., Сукунов Х. Х. Лингвометодические проблемы преодоления интерференции при обучении русскому языку. – Орджоникидзе, 1982.
6. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М., 1967.
7. Немзер У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – М., 1989.

Saida Phanaeva,

Ph.D., assistant professor of Russian language and teaching methodology of the Adygeya State University (ASU), Maikop

phanaeva@yandex.ru

On the issue of teaching the Russian language in a bilingual

Abstract. The ratio of contacting languages in the learning process in the context of bilingualism is determined not only by the nature of bilingualism, and place of each of the contacting languages in the social, public and educational system of the region, for the purpose of learning each language in a particular national school.

Key words: bilingualism, interference, transpose, transferencia.

References

1. Vajnrajh, U. (1979). *Jazykovye kontakty*, Kiev (in Russian).
2. Rozencvejg, V. Ju. (1972). *Jazykovye kontakty*, Leningrad (in Russian).
3. Ibid.
4. Artemov, V. A. (1969). *Psihologija obuchenija inostrannym jazykam*, Moscow (in Russian).
5. Galazov, A. H. & Sukunov, H. H. (1982). *Lingvometodicheskie problemy preodolenija interferencii pri obuchenii russkomu jazyku*, Ordzhonikidze (in Russian).
6. Reformatskij, A. A. (1967). *Vvedenie v jazykoznanie*, Moscow (in Russian).
7. Nemzer, U. (1989). "Problemy i perspektivy kontrastivnoj lingvistiki", *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. HHV, Moscow (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	16.11.15	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	20.11.15
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	20.11.15	Опубликована <i>Published</i>	21.11.15

